

4. Зімніцкі, А. А. Першыя факты (?) выкарыстання Тэўтонскім ордэнам агнястрэльнай зброі супраць войскаў Вялікага Княства Літоўскага. Па матэрыялах хронікі Мацея Стрыйкоўскага. / А. А. Зімніцкі // *Studia historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. – Вып. 12. – Минск : РИВШ, 2019. – С. 42–62.
5. Кирпичников, А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. / А. Н. Кирпичников. – Москва : Наука, 1976. – 104с.
6. Ливонская хроника Германа Вартберга / Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края; составитель Е. В. Чешихин-Ветринский. – Рига, 1879. – Т. II. – С. 81–133.
7. Торнский анналист [Электронны рэсурс] // Восточная Литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Thorun/frameset.htm. – Дата доступа: 30.03.2021.
8. Rathgen, B. Die Pulverwaffe im Deutschordensstaate von 1362 bis 1450 / B. Rathgen // *Elbinger Jahrbuch* – 1922. – Т. 2. – S. 1–116.
9. Schmidtchen, V. Die Feuerwaffen des Deutschen Ritterordens bis zur Schlacht bei Tannenberg 1410: Bestände, Funktion und Kosten, dargestellt anhand der Wirtschaftsbücher des Ordens von 1374 bis 1410 / V. Schmidtchen. – Lüneburg : Nordostdeutsches Kulturwerk, 1977. – 93 s.
10. *Scriptores rerum Prussicarum* / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen und E. Strehlke. – Bd. 2. – Leipzig, 1863. – 866 s.
11. *Scriptores rerum Prussicarum* / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen und E. Strehlke. – Bd. 3. – Leipzig, 1866. – 730 s.
12. Strzyż, P. Broń palna w Europie Środkowej w XIV–XV w. / P. Strzyż. – Łódź : Instytut Archeologii i Etnologii PAN. Ośrodek Badań nad Dawnymi Technologiami, 2014. – 407 s.
13. Szymczak, J. Początki broni palnej w Polsce 1383–1533 / J. Szymczak. – Łódź, 2004. – 424 s.
14. Wigand von Marburg. Nowa kronika pruska / oprac. S. Zonenberg, K. Kwiatkowski. – Toruń : TNT, 2017. – 667 s.

Лицкевич О. В.

ГРАНИЦА МЕЖДУ ВКЛ И ЛИВОНИЕЙ ОТ ОЗЕРА КУРЦУМА ДО ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ В XIV–XV ВВ.

В XIV–XVI вв. поле близ озера Курцума, лежащего к востоку от современного литовского города Зарасай, традиционно служило местом проведения литовско-ливонских переговоров и отправной точкой, с которой начиналась демаркация границы между ВКЛ и Ливонией [19, s. 249–253; 5, с. 42]. Отсюда двусторонние комиссии обозначали границу как в западном направлении – до Балтийского моря, так и в восточном – до Западной Двины и дальше в направлении псковского рубежа. Примыкающий к оз. Курцума край издревле занимал приграничное положение на стыке между Полоцкой землей, Литвой, Селонией и Латгалией, а около 1254 г. к озеру с северо-запада вплотную приблизился рубеж территорий, контролируемых Тевтонским орденом в Ливонии [14, col. 361, № 269]. Кроме того, мимо оз. Курцума пролегал сухопутный торговый путь из Литвы в Латгалию, который выходил к Зап. Двине в районе городища Новене (Вецпилс), где в 70-х гг. XIII в. Орден воздвиг замок Динабург [17, s. 48]. В орденском фальсификате грамоты Миндовга 1261 г. этот торговый путь назван *Korwech* [3, с. 41, 43]. Вот почему корни этого обычая (проводить переговоры на оз. Курцума) могут восходить еще ко временам великого князя Тройденя, который примерно в 1281 г. в результате сделки с Орденом более чем на 30 лет взял область вокруг Динабурга под контроль ВКЛ [об этих событиях: 12, p. 140–142].

В XIV в. ВКЛ и Тевтонский орден в Ливонии заключали между собой так называемые «договоры о разбойниках» (лат. «*raha latrunculorum*»; нем. «*struter frede*»). Два таких договора были заключены в правление Гедимины: один под неизвестной датой («старый мир»), другой в 1338 г. [4, с. 66–69], и еще два в правление Ольгерда: один около 1367 г. («мир Стирпейки») и другой 7 ноября 1367 г. [1, с. 104–107]. Еще один «договор о разбойниках» с Тевтонским орденом в Ливонии заключил князь Скиргайло Ольгердович в январе 1390 г. [1, с. 65]. Называемые в «договорах о разбойниках» местности обозначают не собственно *границу*, а, как показал Стивен Роуэлл на примере договора 1338 г., мирные зоны, в которых стороны гарантировали безопасный проезд купцам [16, p. 79, 257, map 3].

Первая известная нам демаркация литовско-ливонской границы была проведена в 50-х или 60-х гг. XIV в. Со стороны ВКЛ процедурой руководил упитский наместник Войшвилт († 1370) [19, s. 244; 11, s. 93], поэтому в источниках XV–XVI вв. эта граница называется **Войшвилтовой**. О ее конфигурации можно судить лишь по отрывочным данным. В частности, она проходила по р. Сусее, правому притоку р. Мемеле, и в районе, где впоследствии был построен ливонский замок Бауска [19, s. 243–245; 11, s. 94; 6, p. 179–180]. Из договора между ВКЛ и Тевтонским орденом в Ливонии 1473 г. можно понять, что Войшвилтова граница начиналась от оз. Курцума в обе стороны и доходила на западе до самого Балтийского моря, а на востоке до Западной Двины [11, s. 102]. Нет никаких прямых данных о том, что ливонская сторона признавала эту демаркацию. Однако в Мельнском договоре 1422 г. оговаривается, что граница ВКЛ с Ливонией должна идти не по той линии, которая была установлена, когда Орден владел Жемайтией, а по еще более старому рубежу [10, s. 5]. Здесь имеется в виду какая-то граница, проведенная еще до 1382 г. (когда был заключен первый договор об уступке Ордену западных волостей Жемайтии), и речь может идти только о Войшвилтовой границе.

После того как ВКЛ в 1313 г. утратило контроль над Динабургом и прилегающей к нему областью [17, s. 56], вопрос об отрезке границы между оз. Курцума и Западной Двиной с новой остротой встал в 80-х гг. XIV в. в связи с событиями в Полоцкой земле. В 1381 г., осаждая Полоцк, чтобы стать полоцким князем, Скиргайло пообещал ливонскому ландмистру в обмен на военную помощь передать в вечное владение небольшую территорию (*terrículam*) [17, s. 607]. Вероятно, речь шла о

какой-то волостке в Подвинье. В 1385 г. полоцкий князь Андрей Ольгердович признал себя ленником Тевтонского ордена [5, с. 34]. Это дало основание Ордену в дальнейшем притязать на территории Полоцкой земли. Сохранился отрывок инструкции для послов Ордена, участвовавших в переговорах с королем Польши, верховным князем литовским Владиславом (Ягайлом), вероятно, в 1390 г. Утверждая о своих правах в отношении Поозерья (Seeland) и Руси (Ruysen), крестоносцы предлагали провести литовско-ливонскую границу по линии: исток р. Невяжи (Nawese) – р. Швянтойи (Swentoppe) – оз. Сартай (Sarthe) – река и озеро Wede (какое-то из озер к северо-западу от нынешнего г. п. Видзы) – оз. Дрисвяты (Druyeswethe) – течение р. Дрисвята – течение р. Дисна (die Sene) до ее впадения в Западную Двину [13, f. 25]. Если бы это предложение было принято, то Орден получил бы, помимо прочего, Браслав и Браславские озера.

В правление Витовта вопрос о литовско-ливонской границе долгое время не был урегулирован. В Салинском договоре 1398 г. интересующий нас отрезок границы обозначен лишь в общих чертах: от истока р. Эглайне (Egloffte) через *пушу* до Полоцкой или Псковской (Ploskower) границы [1, с. 81]. В Мельнском договоре 1422 г. дана отсылка к «старым границам» (antiquos limites) между Ливонией, Жемайтией, Литвой и Русью [10, s. 5; 7, p. 134–135]. Такое недетализированное обозначение границы соответствует понятию делимитации в современном международном праве. Демаркация же была осуществлена в 1424–1426 гг., и со стороны ВКЛ этой процедурой руководил вилькомирский староста Шедибор Валимонтович [11, s. 93], почему граница получила название **Шедиборовой**. Соблюдение установленных при Витовте границ между ВКЛ и Орденем было подтверждено договором великого князя Свидригайла 1431 г. и Брестским мирным договором 1435 г. [7, p. 163–164].

Шедиборова граница подробнее всего описана в ливонском источнике 1545 г. Она шла по линии: оз. Курцума, оз. Вейсинис, оз. Смалвос, оз. Скрытели, оз. Боксе. Затем пересекала оз. Дрисвяты, выходя на берег к северу или северо-западу от острова Замок, где был ров с валами по обеим сторонам, шла по р. Ричанке до оз. Муйса, далее следовала на восток и северо-восток по линии: река Rugwen (по-литовски Puzsesillen) от оз. Муйса до оз. Чертовского, камень «Кобыла» (Kabul), на котором с литовской стороны был изображен всадник, а с ливонской два креста, оз. Локутя, оз. Савонар, оз. Буже, оз. Жвирблянское, оз. Ельно, оз. Струсто, оз. Войсо, оз. Недрово, р. Друйка и какой-то из притоков Зап. Двины под названием Pergatz к западу от Друи. В устье р. Pergatz лежал камень со специальным пограничным знаком [8, p. 172–173].

В сентябре 1445 г. на оз. Курцума состоялись очередные переговоры, на которых делегацию ВКЛ возглавлял смоленский наместник Судивой. Как можно понять из ливонской реляции, литовская сторона потребовала сместить границу между оз. Курцума и Зап. Двиной к северу. На тот момент протяженность этого отрезка составляла 12 миль (около 90 км), а в случае корректировки она бы сократилась до 5 миль (около 40 км), в том числе на 1 милю (7–8 км) в сторону Ливонии сдвинулась бы граница между Браславом и Динабургом [15, s. 110, 115]. Если бы Ливония пошла на это, то граница выходила бы к Зап. Двине не в районе Друи, как линия Шедиборовой границы, а примерно в районе впадения р. Погулянка или р. Борне в Зап. Двину. Впрочем, стороны не пришли к соглашению. Безрезультатными оказались и переговоры, проводившиеся в последующие годы (1448–1449, 1451, 1453, 1458 и 1462) [18, p. 236–238; 7, p. 177–180]. Однако в этих дискуссиях возник и вопрос о том, что конкретно из себя представляла Войшвилтова граница XIV в. Великий магистр Конрад фон Эрлихсхаузен 25 июня 1447 г. писал ландмистру Ливонии, что в мирном договоре с ВКЛ упоминается старая граница, существовавшая еще до того времени, как Орден стал владеть Жемайтией. Он поручил распросить старожилов, которые могли помнить об этой границе, и исследовать на местности ее линию [15, s. 248].

7 июля 1473 г. на оз. Курцума был наконец подписан новый договор о делимитации границы между ВКЛ и Ливонией. С литовской стороны комиссию возглавлял трокский воевода, маршалок Литовской земли Радивил Остикович, поэтому новая граница получила название **Радивиловой**. В ней подробно оговаривался только отрезок границы в районе замка Бауска, построенного ливонцами в 1451 г. к югу от Войшвилтовой границы. Остальные рубежи от Балтики до Зап. Двины проводились с формулировкой «inter medias (или: in medio) granicies predictorum Woyschwilti et Schedibori» [11, s. 101–102]. Убедительное истолкование этого положения предложил Матей Дорна: поскольку Войшвилтова граница, как правило, шла севернее Шедиборовой, то Радивилова граница представляла собой компромиссную линию, проведенную *вдоль посредине пространства между Войшвилтовой и Шедиборовой границами* [11, s. 95–97]. Эту точку зрения подтверждает и конфигурация рубежей на нашем отрезке: Радивилова граница от оз. Курцума до Зап. Двины везде идет на несколько км севернее Шедиборовой.

По литовскому описанию 1542 г. (которое можно слегка уточнить с помощью описания 1529 г.), Радивилова граница в общем виде шла по линии: оз. Курцума, Солнечная Гора (= д. Саулескални), оз. Арклежеро (= оз. Грейжу?), оз. Кампуотис, р. Кумпотис, оз. Гульбинис, оз. Пертекия (= оз. Кочергине?), оз. Акменкас. Здесь завершалась Смолвенская волость и начинался

ливонский рубеж Дрисвятской волости: лесом до оз. Угаринку, далее по акватории оз. Ричу, мыс Острый Рог на оз. Ричу, бором до района оз. Беляны. Отсюда шел ливонский рубеж Браславской волости: цепочка мелких («частых») озер, в том числе предположительно оз. Пшигудка и оз. Каменка, истоки р. Солоной (= р. Борне), далее оз. Плюсы, оз. Пресвято и р. Кобыла (= р. Пресвята), вытекавшая из оз. Пресвято и впадавшая в Западную Двину в месте, где лежал камень «Кобыла» с русской надписью [9, р. 220–221; 2, л. 1–4, 8–15v].

Судя по пропорциям пространства между Радивиловой и Шедиборовой границами, Войшвилтова граница XIV в. выходила к Зап. Двине в районе впадения в нее р. Погулянка или р. Борне к востоку от Динабурга. Сильно похоже, что на упомянутых выше переговорах 1445 г. литовская сторона, говоря об отрезке между оз. Курцума и Зап. Двиной, предлагала вернуться именно к конфигурации Войшвилтовой границы.

1. Ліцкевіч, А. У. Дагаворы паміж князямі ВКЛ, нобіямі Жамойці і прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі (1367–1398 гг.) / А. У. Ліцкевіч // Arche. – 2010. – № 10. – С. 39–123.
2. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 560 (1542 год). Кніга перапісаў № 3 (копія канца XVI ст.) / падрыхт. А. І. Дзярновіч. – Мінск : Беларуская навука, 2007. – 157 с.
3. Міндаў кароль Літоўі ў дакументах і сьведчаньнях / Уклад., падрыхт. да выд., пераклад А. А. Жлуткі. – Мінск : Тэхналогія, 2005. – 135 с., [16] л. факсім.
4. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. – Т. 1. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 864 с., XVI с.
5. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. – Т. 2. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 524 с., CIV с.
6. Bucevičiūtė, L. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XV–XVI a. : valstybės erdvės ir jos sienų samprata: mokslo monografija / L. Bucevičiūtė. – Kaunas : Vytauto Didžiojo universitetas; Vilnius: Versus aureus, 2015. – 400 p.
7. Čelkis, T. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teritorija: sienų samprata ir delimitaciniai procesai XIV–XVI amžiuje. Mokslinė monografija / T. Čelkis. – Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 2014. – 339 p.
8. Čelkis, T. 1545 metų Livonijos ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės sienos patikrinimas (Livonijos pareigūnų ataskaita) / T. Čelkis, D. Antanavičius // Lietuvos istorijos studijos. – 2011. – Nr 27. – P. 164–178.
9. Dogiel, M. Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, ex originalibus et exemplaris authenticis descripti / M. Dogiel. – Vilnae : Typographia Regia & Reipublicae Collegii Vilmensis Scholarum Piarum, 1758. – 225 p.
10. Dokumenty strony Polsko-Litewskiej pokoju Mełneńskiego z 1422 roku / wyd. P. Nowak, P. Pokora. – Poznań : Wyd-wo Poznańskie, 2004. – XVII, 101 s.
11. Dorna, M. Akt delimitacji litewsko-inflanckiej z 7 lipca 1473 roku / M. Dorna // Lituano-Slavica Posnaniensia. – 2013. – Nr 14. – S. 87–102.
12. Dubonis, A. Traidenis: monarcho valdžios atkūrimas Lietuvoje, 1268–1282 / A. Dubonis. – Vilnius : LII leidykla, 2009. – 242 p.
13. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. – XX. HA, OF HMK. – OF 1b. Verhandlungen mit russischen, litauischen und polnischen Fürsten.
14. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch / Hrsg. von F. G. von Bunge. – Abteilung 1. – Bd. 1. 1093–1300. – Reval : In Commission bei Kluge und Ströhm, 1853. – XII, 190, 810 p.
15. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Begr. von F. G. von Bunge... fortges. von H. Hildebrand. – Abteilung 1. – Bd. 10. 1444–1449. – Riga ; Moskau : Kommissions-Verlag von J. Deubner, 1896. – XLVIII, 576 s.
16. Rowell, S. C. Lithuania ascending. A pagan empire within east-central Europe, 1295–1345 / S. C. Rowell. – Cambridge University Press, 1994. – 375 p.
17. Scriptorum rerum Prussicarum. – Bd. 2. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1863. – VI, 866 s.
18. Varakauskas, R. Lietuvos ir Livonijos santykiai XIII–XVI a. / R. Varakauskas. – Vilnius : Mokslas, 1982. – 392 p.
19. Wojtkowiak, Z. Północna granica Litwy w średniowieczu. «Limites inter Litvaniam et Livonia» z 1473 / Z. Wojtkowiak // Poznań – Wilno. Studia historyków w roku tysiąclecia Państwa Litewskiego. – Poznań : Wyd-wo Poznańskie, 2010. – S. 213–270.

Ушаков А. В.
К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ «НОВГОРОДСКИХ ГОСТЕЙ» ЛЮБЕКА
В ГАНЗЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ*

Исследование предпринимательской деятельности гильдии «новгородских гостей» в XV веке связано с определенными трудностями, обусловленными фрагментарностью источниковой базы. Дефицит источников усугубляется сложностью определения принадлежности тех или иных писем и материалов «новгородским гостям». Несмотря на это, представляется возможным выявить специфику ганзейской документации, относящейся к гильдии, и обозначить границы привлекаемых источников.

Гильдия «новгородских гостей» – специализированная купеческая корпорация, организованная в Любеке и ориентированная на русскую торговлю, впервые появившись в ганзейской документации в начале XV века, к концу столетия играла весьма заметную роль в русско-ганзейской торговле. При рассмотрении источников, связанных с предпринимательской деятельностью гильдии, неминуемо возникает ряд вопросов, касающихся принадлежности отдельных документов к истории «новгородских гостей». Проблемы идентификации источников, принадлежавших «новгородским гостям», и особенности их применения в исследованиях представляются актуальной темой для изучения.

*Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19–18–00183 «Экономические, политические и социокультурные коммуникации России и Прибалтики в XV–XVII вв. по материалам архивных коллекций Таллинна, Любека, Берлина и Санкт-Петербурга».